
В. Ф. Одоевский. Сочинения в двух томах.
Том первый. Русские ночи. Статьи
М., "Художественная литература", 1981
Вступительная статья, составление и комментарии В. Я. Сахарова
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

I

Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Грибоедов. "Горе от ума"
(Дейст. 2. Явл. 5.).

Павел Афанасьевич Фамусов к княгине Марье Алексевне,
в Петербург. Москва 12 марта 1868 г.

Долгом считаю донести вашему сиятельству, что у нас в Москве все пока обстоит благополучно, и особенно нового пока еще ничего нет. Правда, не переводятся у нас, как всегда, выскочки, которые думают, что они умнее всех

И даже князь Петра.

И несут они разные завиральные идеи, но их не слушают и все идет по-прежнему; новых выдумок не допускаем, – довольно и допущенных. Тяжело нам, матушка княгиня, нечего сказать, приходится стоять за старину.

Смотришь, так и проشمыгнет то железная дорога, то гласный суд, то телеграф, а газеты-то, газеты! Ни на что не похоже, так все и тянут на новый лад, да и вздора, вздора-то в них! Онамедни печатают обо мне, по случаю продажи одного из моих домов, – что же? Вместо Павла Афанасьевича называли меня Павлом Агафоновичем; спрашивается: чего же смотрит цензура? Да что! Говорят, что на газеты и цензуры вовсе нет. Вот мы и с праздником; пиши всякий, кто хочет и что хочет во всеуслышанье.

Я доложу вашему сиятельству, с чего это все началось. Были у нас в старину у застав шлахбаумы, и для охранения города, и для благоприличия; тогда уже по шлахбауму знаешь, что въезжаешь в город: у заставы поперек бревно; остановишься – подходят; все это так прилично; спрашивают: как ваш чин и ваша фамилия? Записывают и на другой день печатают в газетах: приехал-де в Москву Павел Афанасьевич Фамусов; тем и газеты были занимательны, не чета нынешним; словом, уважение было.

А ныне я въехал в город, мужик въехал – все равно; а о железных дорогах уж и не говорю – просто стыд и срам, т. е. что называется – никакого почета. Кто бы ни был, я ли, мужик ли опоздал, нисколько решпекта не сделают, не подождут ни минуты. Ну на что ж это похоже?

Как теперь помню, тому лет двадцать, заговорили, что хотят шлахбаумы снять; они-де ни на что не нужны; я так руками и всплеснул! Как! Уж и шлахбаумы не нужны! "Помяните мое слово, – я говорил, – быть худу! Сперва шлахбаумы у застав снимут, а там и другие шлахбаумы почнут снимать".

Так и вышло по-моему – недаром чуяло мое сердце. Да и что проку-то? Бывало, никогда по газетам не было слышно ни о воровстве, ни о грабеже; если и бывали какие шалости, так до нас, по крайней мере, не доходили-то было дело полицейских. А сняли шлахбаумы да пустили газеты, так то и дело: того обокрали, того ограбили. Отчего прежде этого не бывало?

Я всегда был охотник читать газеты; на тогдашние "Московские ведомости", не на нынешние, я всегда подписывался; перестал только тогда, как они из тетрадки, к которой мы все привыкли, неизвестно на какой прок вытянулись чуть-чуть не в простыню. – Просил я тогда чество, чтоб для меня печатали номера особо, в прежнюю величину, обещал лишнее за то приплатить – так нет, не сделали уважения, "Так, – отвечали, – для всех заодно печатают". То-то и грустно, что для всех заодно; как будто для нас нельзя и исключения сделать!

Племянники получают нынешние-то ведомости, читают мне иногда на сон